

Юлия
Надеждинская

ДЕВОЧКИ
НАЧИНАЮТ
И...
ВЫИГРЫВАЮТ

16+

Юлия Валерьевна Надеждинская

Девочки начинают и выигрывают

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33579045

SelfPub; 2018

Аннотация

Книга "Девочки начинают и выигрывают" – это вторая книга лирических миниатюр, написанных автором в стиле «саркастического феминизма». Первая – "Сказки про Принцессу" – выдержала уже несколько изданий и получила горячий отклик читательниц всех возрастов от Калининграда до Находки. "Девочки" – это своеобразный дневник автора, на страницах которого она размышляет о любви и дружбе, о верности и предательстве, о счастье и самоуважении, а главное – о месте женщины в этом мире, в который она спускается с небес как богиня – побеждать!

Посвящается Мирозданию, всем моим подругам и моему коту.

Коктейль из слёз и валерьянки

Любимый заботится обо мне. Он не может быть со мной на неделе, потому что у него нервная работа. И в выходные тоже не может – у него нервные родственники. Я же – само спокойствие. Поэтому он просто привозит мне по пятницам литр домашнего вина и говорит ласково: "Не скучай". И даже кот, присутствующий при передаче спиртного, всячески демонстрирует, что он абсолютно спокоен и ему уже весело. Вернее, не скушно.

И потом... глядя на такое к себе отношение, тебе в будущем тоже захочется сделать для него что-нибудь значительное! Перевести через дорогу, вынести из огня, записать в очередь на протезы. Подать стакан воды. И, наконец, в доказательство вечной любви и преданности, посадить вокруг его могильной оградки маргаритки! Хотя нет. С маргаритками выйдет перебор! Одуванчиков будет достаточно.

И главное – не надо паники! Потому что какая, в сущности, разница, к кому он от тебя, такой красавицы, ушел? Накрасила губы Макс Фактором, налила себе Мартини, слезы смахнула и – послала сопернице дружеский воздушный

поцелуй!.. Пусть сидит теперь, зараза, мучается и с середины лба его отдирает.

А иногда просто накрывает желание подойти и уткнуться носом в крепкую мужскую грудь! Подходишь решительно, утыкаешься! И только бы Боженьке "спасибо" прошептать, как чувствуешь, как грудь под твоим носом – ходуном ходит! А это мерзавец на часы посмотреть пытается, мол, не затянулось ли во времени и пространстве твое блаженство? Как бы ты дыру своим острым носом у него меж ребер не просверлила! Как-никак, 151-я ты у него уже за сутки-то, такая романтическая. Так, глядишь, и полжизни у него на чужие носы уйдет! Освобождается от тебя предельно аккуратно, рубашечку поправляет и – бежать! Ну, а ты, как и полагается в таких ситуациях, остаешься. С носом.

Или во время ваших романтических объятий он вдруг тушит сигарету о косяк, кашляет, поправляет галстук и говорит: "Я, конечно, не добрый волшебник, но кое-какие дамские желания исполнить могу. Вот скажите-ка мне, уважаемая, чего Вам сегодня очень сильно по-женски не хватает, может, я Вам в чем-то и подсобить смогу. Только, ради Бога, не говорите, что не хватает ума! Это же и так видно! Невооруженным глазом!".

А еще мужчины – чтобы уйти от ответа! – любят говорить:

"Просто у меня такой образ жизни...". И ты представляешь, как выходит из сумрака она, его жизнь, помятая, вальяжная, босая, с замусоленной сторублевкой, засунутой за дырявый чулок. Кашляет от табачного дыма и с прононсом говорит: "Ну, чего уставилась, курица? Не видишь разве... Я – в образе...".

А после долгих лет ожиданий воображение рисует тебе его, единственного, ну в точности, как Смерть в комиксах! Другая бы содрогнулась – чур меня! – а тебе – хоть бы хны! Потому что, если принять во внимание, какая у тебя Жизнь...

И когда он начнет рассказывать вам про свою тяжелую жизнь, про безжалостных стерв, подорвавших в нем веру во все святое, главное – мысленно круг вокруг себя очертить, волнения не выдавать и не всхлипнуть. Иначе придет Вий...

А потом мы проводим ежегодный разбор наших полетов. Только кто-то пересчитывает головки мертвых роз в гербарии, а кто-то – порванные в хлам застежки нижнего белья. А вздыхаем все одинаково – счастливо.

А мужчина должен быть таким, чтобы ты даже на расстоянии чувствовала, что как бы ты его ни долбила, ты все же не сможешь искрошить его в вермишель!

А еще, собственно, чего хочется-то? Чтобы вы встретились с ним, будто бы невзначай, он по-дружески тебя в щеку чмокнул, а угасшая было искра оторвала от дивана свою тощую задницу и пошла бегать!

А еще у женского сердца есть свой защитный механизм. И когда становится совсем неспособно, он – бац! – и защелкивается на крохотный замочек! Правда, есть одно обязательное условие – не больше трех "неспособно" в год. Иначе замок попросту блокируется. Без возможности психического восстановления.

А он-то как рассуждает? Мол, если любит, то любого примет! И не важно, сколько воды со времен разлуки утекло! Выжидает терпеливо... лет пять! Приходит под порог – без слез не взглянешь! С ноги на ногу переминается, кряхтит... И решительно нажимает на кнопку звонка! Ты в дверной "глазок" смотришь... И вот теперь для него самое главное – вовремя убежать!

А еще ты можешь, надув губки, попросить у него в кафе шоколадку. И пуговица на твоих джинсах, слабо пискнув, прохрипит ему: "Купи этой ненасытной дуре 500 килокалорий, раз просит! Пусть подавится!".

Ну, а ушел и – черт с ним! И не нужно унижаться и про-

силь! А надо горькую не пить и грустных песен не петь! А просто бодрую мелодию – на gewind, рот алой помадой нарисовать, левую грудь оголить, знамя сопротивления в руках зажать и – вперед, на баррикады своей любви! А предателю вслед – пушечное ядро! Patrie ou la Mort! Wir werden gewinnen! No pasarán! Мышь не проскочит. Уж не проползет. Птица не пролетит. Словом, у нас для изменников – all inclusive! Затяжных военных действий не ведем. За стол переговоров в трезвой памяти не садимся. Победителей с горячими сердцами не судим. Пленных с холодными руками не берем. (Прим. – готовим так себе, целуемся – выше всяких похвал).

А еще хочется, чтобы он пришел к тебе однажды, пусть уже совсем чужой и предельно официальный! А ты бы обняла его за шею, поцеловала нежно. Он бы вздрогнул, очнулся, улыбнулся, обнял бы тебя в ответ. И закрутилось бы! Только успевай фиксировать! Шерсть вдруг с него опала, рожки отвалились, копытца вытянулись! А главное – колокольчик на шее! Колокольчик весело "Аллилуйя" отзвенел и пропал!

И заклинаю – прекрати сейчас врываться в мои сны! Даже просто так, по пути! Даже только для того, чтобы в дверях молча постоять и с немим укором посмотреть, как мне без тебя хорошо! Сплю в пижаме, одеяло на пуху, окно – настежь, холод собачий, а не мерзну! Разве только ты – в две-

рях! – сквозняк создаешь, а молчанием мысли мои кричащие отпугиваешь! Инициативы их лишаешь! А в принципе... черт с тобой! Хочешь – стой! Хотя всю ночь стены подпирай! Только не кури и чайником на кухне не греми... Потому что в прошлый раз кружка, оставленная тобой, сама по себе треснула... А счастье не пришло. Разве только... Ты же не хочешь сказать, что ты и есть... СЧАСТЬЕ?

И потом... невозможностью своей удивить его захотела: про ненасытность, которой "перекармливаешь всех", ему написала. Встретились. Закрутилось!.. А через неделю он сидит в одних трусах за столом, кашу ест, а ложкой в рот попасть не может. Руки трясутся.

И еще... есть ли смысл драматизировать ситуацию? Ты же уже отомщена. Ты же внушила ему, абы какому, ложную уверенность в том, что он – самый лучший. А вот ушла, и уверенности в себе у него теперь – ноль. И со словом ЛУЧШИЙ у него – затяжная конфликтная ситуация. Потому что зеркало, сколько ему ни улыбайся, не говорит. А другая женщина про слово САМЫЙ – по растерянности – забывает.

А, уходя, он скажет тебе: "Даже если мы расстались, уверяю Вас, я тут совершенно не при чем! Просто у Вашей девичьей мечты слишком большие аппетиты!". Ты, конечно, переубеждать кинешься, кулачком по груди стучать и все такое!.. А потом шторку на кухне отодвинешь... Так и есть! Вот

она, там, в углу! Сидит, жрет.

И ждешь, как дура, чуда... А утром открываешь глаза – и дежа вю: вроде, настроение – качественно новое, а вокруг все – отвратительно старое. Те же стены, обои, люстра с "рожками", этажерка с книгами и расшатанный частыми переездами стеллаж. А вот диван, на котором лежишь, наоборот – не расшатанный! Потому что пришла, разделась, одиноким калачиком свернулась и замерла. И весь мир вокруг тебя – замер.

Вот так вот выглянешь под вечер в окно – и сложится фантастическое ощущение, что живешь ты, допустим, на Крайнем Севере! Где пронизывающие ледяные ветра, бескрайняя белая пустошь и ездовые собаки! Сытые, плотные, роскошные! С улыбающимися от трудового энтузиазма мордами! И где-то в глубине души ты абсолютно уверена, что – раз погонщиков воображение не принесло! – живешь ты среди этой вечной мерзлоты исключительно из-за...собак!

А потом он и говорит тебе: "Я прямо-таки чувствую, что у нас с Вами непременно все будет хорошо, если вы своим нелепым Я ВАС ЛЮБЛЮ все не испортите".

А, может быть, это и к лучшему, что у тебя никого нет, поэтому и жаловаться тебе особо некому, разве что чайнику. И это – достаточно надежно, потому что, во-первых, он не

болтлив. Да даже если и болтлив, все равно, если судить по этикетке – китаец.

И очень хочется, знаете ли, хотя бы мизерного, но реванша! Он позвонил – ты не ответила. Он написал – ты промолчала. Он примчался – ты не открыла. И все! Гордость в рост пошла! Самооценка корни пустила. Сама себя по голове гладишь, руки себе целуешь, трюфельным тортом – за стойкость – балуешь! Вся загвоздка лишь в том, где бы такого болвана найти, чтобы позвонил, написал и примчался.

А еще люди часто говорят друг другу: "Между нами нарушена эмоциональная связь". И это означает, что, когда ты улыбаешься мне, я поворачиваюсь к тебе спиной и молча смотрю на спящий город. А когда я плачу – на город смотришь ты.

И романтика из ваших отношений уходит на цыпочках. Чтобы не застучали и не вернули. Потому что он, считая вас своей, уже не покупает вам розы. А вы, считая его своим, начинаете покупать ему трусы.

И потом...как же это все-таки красиво, когда предельно вежливо: "Я надеюсь, Вы не сойдете с ума, когда я уйду!". Не сойдем, мил человек! Мы привычные. Как ни крути – один организм! И после Вашего ухода мы крепились! Голова ра-

ботала, сердце билось, глаза улыбались, руки не тряслись. Да даже рот, что удивительно, гадостей не нес. Только пил и закусывал.

Рецепт "как влюбиться не в того парня" прост. Допустим, поцеловал он ее, она очнулась. Платьице поправила, пыль со лба смахнула, коленками скрипнула, проморгалась. Его увидела, мысленно перекрестилась, вздрогнула и – влюбилась! Потому что в анамнезе – соска, подгузники и колыбель. Белые носочки, бантики и куклы из фарфора. А вот если бы как только говорить да ходить научилась да – на стрельбище.

А это чудесное слово САМООБЛАДАНИЕ! Когда уже не знаешь, в какое место себя поцеловать, чтобы "перестать беспокоиться и начать жить" с "чистыми руками, горячей головой и холодным сердцем".

А когда все заканчивается, то начинается оно, пост-отношенническое лицедейство! "Я звонил три раза, ты не брала трубку! Что ты делала?!". Да все как обычно: мыло соскальзывало, веревка путалась, табурет отлетал.

А, может, просто там, наверху, связь барахлит, поэтому Космосу кажется, что я обращаюсь к нему на редком языке индейцев: в общем-то, красиво, но абсолютно непонятно – то ли маленькое черное платьишко клянчу, то ли большой и

чистой любви.

А иной раз думаешь... Может, не очень-то надежно ты его крыльями своими ангельскими укрывала. Может, не все пылинки с его лысой макушки сдула. Рот его, перекошенный, не обильно повидлом вымазала. Раз он, собака, постоянно вырывался, чихал и облизывался и в один из дней вырвался-таки от своего счастья и – убился!

– А если бы я не пришел, – спрашивает он, приосанившись. – Ты бы долго проплакала? – Все 10 минут, – отвечаешь ты, надевая халат. – Только 10 минут! – слегка сдувается он. – А потом? – А потом смыла бы тушь и пошла варить кофе.

– Через пять минут подъеду! Выходи! – кричит он в телефон. – На улице – дубак, не форси, одевайся теплее! Не форсишь. Одеваешься, как мама учила: сапоги – мечта поллярника, свитер – в пол, штаны с начесом, рукавицы суровые – под метлу, шапку – на уши... Выходишь. Подъезжает. Не узнает. Проезжает мимо. Ты кидаешься вслед. Тормозит... И в его полных ужаса глазах ты читаешь, какое же это сильное испытание для вашей любви!

Так уж устроена наша девичья жизнь! От погремушек – к куклам. От кукол – к побрякушкам. От побрякушек – к

окошку! Ждать. Надеяться. Верить. Снова ждать!.. А потом, когда ты немного успокаиваешься, ты, наконец-то, встречаешь его. Своего...кота.

– Ну, ладно я, – сказала я ему, подливая заварку в чашку, но как я объясню коту, что мы снова с ним – брошенки? Боюсь, что для его неустойчивой психики это будет серьезная травма... – Ха, кот! – рассмеялся он, размешивая сахар с ревом курантов. – Разве животное может это чувствовать?! И тут на кухню зашел кот, сел напротив и при помощи бессмертной системы Станиславского доказал, что животное на этом крошечном квартирном пространстве – не он.

И потом...какая же это, в сущности, се ля ви, когда ты еще толком и привыкнуть-то к нему не успела, не успела перед зеркалом отрепетировать фразу: "Ах, мне кажется, что я Вас уже люблю!". А он уже ходит расстроенный, задуманный жабой. И, если и дарит тебе что-то ценное, то только автобусные билеты со счастливым совпадением номеров.

И пока он злится где-то там, в углу, ты вспоминаешь, что демонстрация физической любви была заложена в тебя еще в детстве. – А покажи-ка, детка, как ты любишь маму! – умиляются родители. И ты подходишь и целуешь маму. – А папу? Как ты любишь папу?

Ты подходишь и обнимаешь отца. Обходишь с дружескими объятиями бабушку и дедушку. Слегка касаешься подвернувшейся по случаю тети... Любить же пока незнакомого тебе, самовлюбленного и капризного мужика – тебя никто не просит. А он даже не пытается заменить собой целый мир.

От неразделенной любви, знаете ли, чудовищно устаешь. Я любила его так сильно, что хотелось кричать! А, когда он внезапно ушел – я даже не пикнула.

Как же это все-таки здорово и в высшей мере справедливо, что я так долго умирала от любви к Вам и все-таки не умерла! Выжила, выкарабкалась, исцелилась!.. Правда, когда смотрю на свет – слезы из глаз, а наливаю себе чай – трясутся руки.

А потом ты вытираешь слезы и думаешь, что может, это и хорошо, что "все подруги замужем", и только ты – одна. Может, в этом "одна" как раз и проявляется высшая справедливость. И, возможно, даже чья-то мудрость. И уже не важно – чья... В этом "одна" есть даже какая-то особая изысканность! Исключительность даже! Это почти как последняя шоколадная конфета в открытой для гостей коробке: вот лежит она – кругленькая, в фольге, с вензелями. Так в рот и просится! Ну, кто смелый? А нет таких. Все смущенно взгляд в сторону отводят и руки за спину прячут. Мол, пардон, пардон! Пусть

лучше засохнет. Таков этикет! И никому не обидно... Разве что конфете. Только кто ее, дуру, об этом спросит.

– Ну, а что бы ты хотела от меня услышать? – спрашивает он неожиданно с интонацией: "А ты оплатил проезд?". А ты нервно роешься в сумке, высыпаешь мелочь на пол в прихожей и произносишь так тихо, что слышно только тебе: "Мне, пожалуйста, один билетик обратно. В один конец".

А прохожие тем временем интересуются шепотом: "Скажите, а Вы точно не сумасшедшая? Почему у Вас вдруг оранжевые волосы и зеленый шарф?". А ты отвечаешь сквозь зубы: "Сами вы – дураки! Потому что красных шарфов в тот день в продаже не было! А так хочется новенького. Весна".

А потом ты думаешь: "Наверное, я вела себя недостаточно искренне, и поэтому он не полюбил". Или: "Я сразу же дала понять, что – по уши, и поэтому он не полюбил". Или: "Я надела слишком скучное платье, и поэтому он не полюбил... Я похудела/Подурнела/Поправилась/Подстриглась/Отрастила волосы/Много смеялась/Молчала как рыба/Трещала без умолку/И поэтому он не полюбил.../Ну, и зачем он тебе?"

Бросить женщину, которая влюблена в тебя как кошка – это поступок. И все остальные твои поступки – уже не в счет!

Потому что ты на своей шкуре прочувствовал, каково это – отказать. Когда она выгнула спину, а ты не стал. Или она свернулась клубочком, а ты не смог. А она дотянулась до тебя – и смогла. А ты ее за шкирку – и за дверь! И "чуть-чуть не считается" – мелом на стене. И "как ты мог, сволочь?" – помадой на дверях. И ты выходишь – и слухи за тобой. И она заходит – и сплетни за ней. Она в тебя – когти, а ты в нее – зубы! А ночами ты вспоминаешь, как она мурлыкала тебе в ухо, и тихонько воешь на Луну.

И только с возрастом понимаешь, что за все эти годы в тебе скопился такой нерастраченный запас нежности и любви, что, если добавлять их по чайной ложечке в вишневое, яблочное или клубничное варенье, каждая баночка будет светиться под крышечкой и тихонечко потрескивать в темноте. А особенно – варенье из лепестков роз.

А еще мне очень нравится фраза НАДО УМЕТЬ СТАРЕТЬ КРАСИВО. Сразу видишь себя в платье в узорах, на голове – кокошник, в руках – платок! Выплываешь белым лебедем в центр зала, а по бокам – друзья, родственники, отдел кадров, профсоюз. Сидят, между собой шепчутся, мол, глядите-ка! Красиво пошла! Может, и хорошо, что на пенсию.

И потом... Да, какая, в сущности, разница, что он не зво-

нит? Зато, согласно сентенции о не терпящей пустоты природе, звонят другие. Менее нужные, согласна, а чаще всего – не нужные совсем. Но звонят, надеются! Заполняют собой все пространства и пробелы. Все впадины и пустоты. Все твои личные провалы и прочерки.

Это только поначалу не верится, что все пройдет... А спустя год щеки от стыда будет жечь, что ревела по какому-то невнятному негодяю так, что у Боженьки уши закладывало. И будешь после ночами перед зеркалом сидеть, уговаривать свои щеки, чтобы Боженька тебе свои уши простил.

– Выпустишь ее по дороге, – сказала я, провожая его до дверей. – Кого? – удивился он, оборачиваясь на пороге. – Мою душу, – ответила я, поворачивая ключ в замке. – Она опять, дуреха, за тобой увязалась.

А плачешь-то еще, почему? Потому что, ежели ему от тебя что-то надо – он душу твою целиком из сердца вынет! А не надо – обратно затолкает впопыхах как есть! И сидишь ты, зареванная, встревоженная, и за ребрами – какое-то неудобство чувствуешь! То ли сквозняком продуло. То ли кусок измятой души наружу торчит.

Одиночество вдвоем – это страшно... Ты возвращаешься в ваш мертвый дом, оставляешь на вешалке мокрый плащ.

"Где ты была? Где?!" – спрашивает он из полумрака гостиной.

А ты молчишь. Потому что "на Кудыкиной горе" – будет не в рифму. Ответить в рифму – слишком пошло. Сказать правду – слишком рано. Поэтому... "За хлебом ходила", – говоришь ты и проходишь мимо кухни.

А потом он, насмотревшись фильмов о любви, принесет тебе в подарок крылья. Беленькие, всамделишные. Только надевай и лети! Ты примеришь, в зеркало на себя помотришь, подружке позвонишь – похвастаешься! Та позавидует, мол, сильно он тебя! Пару фото на память сделаешь. На подоконнике посидишь – всем покажешь. На балконе постоишь – помашешь. Подпрыгнешь, покачнешься, испугаешься. В комнату вернешься, снимешь, сложишь, под кровать затолкаешь. Ну, и поплачешь, конечно, что какие-то дурацкие крылья, а не кольцо.

Веселая наука

Ах, как было бы замечательно, если бы проблема выбора решалась его отсутствием! Не ковырялась бы в женихах, недостатки с достоинствами в граммах не взвешивала, а первому встречному-поперечному, не задумываясь, руку и сердце отдала! Порадовалась пару часов легкости такого ре-

шения, ночью до соплей наревелась, руку высвободила, сердце выкрала и – все! Страница перевернута, "галка" поставлена! Можно посвятить свою бесценную жизнь чему-то более значимому. Спасению китов.

В юности очень хотелось, чтобы все у тебя было по-взрослому. По-настоящему. Без дураков. Настоящие синяки на коленках после похода на каток. – Ты очень старалась, падала, и тебе есть чем это доказать. Настоящие друзья. – Ты очень старалась, а если и падала... В общем, вы с ними дружите до сих пор. Настоящая любовь... Ты знаешь, ты очень старалась.

А потом думаешь... Может, слукавил, может, не все рассказал нам про Аленушку и ее братца великий русский народ? Может, не было потом, после копытца, никакого чудесного превращения? Торжества эмпирического над трансцендентальным не было? Иначе, как объяснить, что столько веков уже в Лету кануло, а страждущим и жаждающим любви красным девицам попадаются во всех уголках земного шара одни козлы!

И не надо тешить себя иллюзиями! Дескать, так ему, твоему бывшему, плохо с другой, что он – втайне от нее! – твое фото к груди, как подорожник, прикладывает, и по его щетинистой впалой щеке скупая мужская слеза ползет. Не надо

придумывать, мол, он так по тебе страдает, что кусок мимо горла пронесит, по две пачки сигарет в день выкуривает и мозгам, тобою сверх меры, забитым, ни днем ни ночью покоя не дает. Не надо метаться от двери к телефону, дескать, вдруг мимо проходить будет и – заглянет по старой привычке или – больше по той же привычке! – позвонит. **РАЗРЕШИ СЕБЕ ЖИТЬ.**

Гадала на суженого. Как обычно приснился Президент Путин – без ботокса, в дорогом твидовом костюме, с букетом подсолнухов в сильных руках. Я стояла перед ним в белых гольфах, которые носила в садике, и красном плаще, made in Poland, купленном мамой в ГУМе, когда я училась в 7-м классе. – Зачем Вы мне снитесь? – шепотом спросила я, поправляя гольфы. – Мы же никогда не будем вместе! – Это еще как посмотреть, – ответил Президент, пряча в подсолнухах загадочную улыбку и стальной взгляд. – У меня больше не осталось подходящей шпионской одежды, – вздохнула я. – Разве только хранимые мамой ползунки и школьная форма. – Не беда, – приободрил Президент, осторожно оглядываясь. – В следующий раз я приснюсь тебе в стеганом таджикском халате и с окладистой бородой. Нас никто не заметит... (Он вручил мне букет, вынул из кармана рацию и "запищал" морзянкой)... – Тебе не кажется, что вчерашнее шампанское было паленым? – растворяя в бокале аспирин, спросила сестра.

А потом все заканчивается, ты отпускаешь его с миром. И ждешь нового "ты", и придумываешь для себя новый мир.

А доброжелатели тебе и говорят, мол, никогда ты, девка, новую жизнь не начнешь, пока над старой жизнью не все точки расставлены! Ты весь вечер эти самые точки добросовестно к отношениям приклеиваешь. Они, собаки, падают на твою карму как конфетти! А наутро, устав от усердных хлопот, выходишь во двор – свежего снежку зачерпнуть, разгоряченную голову остудить, а соседи из окон тебе – театральным шепотом! В парадной, конечно, бардак после ее «последнего прости». Но подумать только – все с нуля! Какая героическая женщина! И ты под этим свежим снежком со стыда уже не горишь, а всего лишь медленно плависься.

– Вот ты расквасилась! – бурно отреагировала подруга на мое "не могу без него". – Что значит – "не могу"? Я еще со школы помню, что не надо эмоционально привязываться к хомячку – он живет всего три года!

И потом... Всегда же хочется себе чего-нибудь такого напридумывать со скуки. Например, случайную встречу... И в первом попавшемся пузатом мужике с портфелем увидеть... Пашку Иванова из 7 "а"! Короче, увидеть Пашку, на шею ему кинуться, вопросами замучить, даже портфель лю-

безно подержать, пока он внезапно хлынувший пот утирает. А потом портфель отдать, след от французской пудры с лацканов его пиджака стряхнуть и сказать: "Извините, по-моему, я обозналась". Голову назад откинуть, каблучками по мостовой застучать, а Пашка-то, Пашка! Так и будет бежать за тобой вприпрыжку до самого метро с криком: "Девушка, а в какой школе Вы учились?!". Дурак!

И когда становится так хорошо, что небо опускается ниже, и, казалось бы, еще чуть-чуть – и вот он, обморок!.. Он вдруг спрашивает тебя со всей серьезностью: "Любимая... А, что еще я могу сделать для тебя?". Ты небо рукой придерживаешь, чтобы не придавило, и замираешь в недоумении: "Упс! Так все-таки заказывать обморок... или нет?".

И потом... Кто-то ведь объяснил ему в отрочестве, дескать, слушай сюда, парень, такое дело. Астрономию с тригонометрией и прочую лабуду ты можешь не знать, но "чем меньше женщину..." – вольную интерпретацию классика – обязан! И он по жизни особо и не заморачивается. Дважды два – при помощи калькулятора, а "чем меньше" – как "Отче наш". Нет, чтобы и к тебе, дуре, подошел в тесном школьном коридоре добрый человек и сказал: "Ну их к чертям собачьим, эти физику с правописанием! Выходи, девка, замуж! А этот "чего же боле" твой... Словом, ногти отполирует и позже на все готовое подтянется".

– Убедилась, что это безнравственно – называть мужчину, с которым только что рассталась, "козлом"! – сказала подруга. – Во-первых, этим ты оскорбляешь свои чувства, а во-вторых, он, бедняга, так жалобно блеял за дверью, что у меня до утра разрывалось сердце.

И потом... Мама зря, что ли, учила: держи его как можно дольше на расстоянии вытянутой руки! Ну, и ладно. Ты – послушная дочь. Завлекла, держишь. День держишь, два, неделю, две. Чувствуешь, рука затекла. Пальцы, особенно – указательный, онемели. Дрогнула, конечно. Сначала – сердцем, потом – рукой. Он колебания в воздухе почувствовал. Подскочил! И все! Все, что мама говорила – псу под хвост! И руки его – как у карманника в троллейбусе! – где только ни шарят! Куда только ни лезут! День лезут, неделю, две. В начале третьей недели – жалуются на судорогу. В начале четвертой – залезают в карманы брюк... И все! И ты снова – послушная дочь! Потому что, сколько руку ни вытягивай – не дотянуться! Разве только за нос его ухватить и тут же отпустить. Потому что если не отпустить, все, хана! Он от любви твоей вездесущей задохнется.

И ты поняла, что разница между любовью и влюбленностью заключается в том, что когда любишь – хочется с этим человеком – ЖИТЬ, тихо, спокойно, без экзальтации

и всплесков. А когда просто влюблена – хочется из-за него непременно УМЕРЕТЬ! С пафосом и фейерверками.

Утро принесло радостное предчувствие: мол, осталось лишь немного подождать – и абсолютно все в твоей судьбе изменится к лучшему! Хворь отступит, волосы отрастут, любимый – заново в тебя влюбится, новая работа – найдется. И тогда твоя жизнь непременно заиграет! Ну, если не красками, то хотя бы на балалайке. Это все-таки лучше, чем совсем ничего.

И очень зря, что кто-то до сих пор не верит в волшебную силу Мироздания! Потому что, когда всё уже конкретно и вконец, просто зажмурить глаза, закрыть уши руками, разозлиться, закричать! Да без разницы что. "Мама, ниточку распутай!" – например. И "распутывает" так, что после даже сама с собой разговариваешь только шепотом. Дескать, благодарствую, Космос. Почудили и ладно. И так за троих свезло.

Вот так вот вслушаешься в собственное сердце, а там – свист! То ли соловьи поют, то ли казаки на лихих скакунах скачут, то ли вольный ветер гуляет! Транзитом. Из головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.